

Светлана Вашичкова

РЕАКЦИЯ НА ПРОЦЕСС ЛАТИНИЗАЦИИ, ОТРАЖЕННАЯ В ТЕКСТАХ УГЛЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ

Принятие Ужгородской унии 1646 года вызвало неоднозначную реакцию в северо-восточных регионах Венгерского королевства: наряду со сторонниками в указанном регионе были и ее противники. Антилатинизационные тенденции естественным образом отразились и в памятниках письменности, возникших на территории бывшей Мукачевской епархии. Тексты, созданные в рамках византийского церковного обряда и направленные против латинской церкви, известны уже с момента возникновения письменности, возникновение ранних памятников объясняется «стремлением греческого духовенства оградить новообращенную Русь от притязаний папства, которые были особенно часты и настойчивы в эпоху принятия св. Владимиром христианства».¹ Дальнейшее распространение византийского обряда также было связано с влиянием латинской церкви, реформационные и антиреформационные процессы и принятие уний также отразились в памятниках письменности: в среде церкви византийского обряда возникали целые сочинения, направленные против латинян, протестантов и униатов. Антилатинизационные и антиунийные настроения часто находят отражение в памятниках литературы церкви византийского обряда.

Углянские рукописи, а именно Углянское учительное евангелие и Углянский сборник Ключ, возникли в конце XVII в. на территории современной Закарпатской Украины. Оба памятника – это бумажные кириллические книги учительного жанра, написанные в православном Углянском монастыре на территории бывшей Мукачевской епархии.

Углянское учительное евангелие – это кириллический памятник письменности, об истории которого нам известно очень мало. Судя по маргинальным записям, он был создан в Закарпатском регионе в XVII в. и принадлежал православному монастырю в селе Угля. О дальнейших его владельцах и лицах, имевших к нему доступ, мы узнаем также из пометок на полях. Так, в новейших записях мы находим пометки певцоучителя из Сокирницы Иванчо Андраша, упоминание о некоем Магее Штефане и о священнике Ми-

---

¹ Попов, *Историко-литературный обзор*, 1.

хаиле Розмане, который был владельцем рукописи уже в XX веке. В 1926 году исследователь словесности Юлиан Яворский выкупил книгу в рамках своей экспедиции в Закарпатскую Русь, о чем свидетельствует запись на переднем форзаце: «Пріобр. въ августѣ 1926 г. въ с. Сокирницѣ, Мараморошской жупы, въ Закарпатской Руси». В настоящее время рукопись под сигнатурой IX С 19 находится в Отделении рукописей и старых книг библиотеки Национального музея Чешской республики в Праге.

Рукопись IX С 19 представляет собой бумажную книгу из 188 листов форматом 29,5x19,5 см, в современном переплете с вишневым кожаным корешком и картонными обложками с первой половины XX столетия. Перед переплетением книга подверглась непрофессиональной реставрации: нижние углы страниц и середины некоторых разворотов подклеили прозрачной бумагой так, что часть текста оказалась перекрыта, что несколько затрудняет прочтение. Несмотря на отсутствие реставрации как таковой, состояние рукописи оценивается как удовлетворительное.

В середине верхнего поля верхнего листа позднее была проставлена пагинация арабскими цифрами, чернилами. О более позднем времени её появления свидетельствует факт, что пропуски текста между страницами 128 и 129, а также 141 и 142 в нумерации никак не отражены.

На полях рукописи находятся многочисленные записи, которые относятся не только ко времени создания памятника, но и к более позднему периоду. Некоторые пометки представляют собой ссылку на упоминаемый или цитируемый библейский источник, из других мы узнаем о прежних владельцах книги и исторических фактах, таких, как голод, эпидемии, восстания и т.д. Сличая почерк новейших записей в Углянском учительном евангелии с текстом целого Углянского сборника ключ, мы приходим к выводу, что в обеих рукописях пометки сделаны одной рукой.

Рукопись состоит из трех частей, написанных разным почерком. Первая часть, расположенная на страницах 1^r – 14^v, написана довольно узким полууставом в один столбец, по 23 – 25 строчек на странице, с регулярно проставленными ударениями и придыханиями и большим количеством надстрочных букв без титла и с титлом. Заголовки написаны вязью. Основные чернила яркие, коричневые, а заголовки, отсылки к евангельскому тексту и буквы, а также заглавные буквы в начале предложений написаны киноварью, местами побледневшей, но не окисленной.

Примечательно, что первая часть была связана в отдельную тетрадь и подшита к основному тексту позднее. Это может быть объяснено тем, что начало рукописи во время её использования было каким-либо образом испорчено, например, залито водой или вос-

ком или сожжено, а новая тетрадь добавлена, чтобы дополнить утраченное. Отличительной чертой этой тетради является и отсутствие в проповеди целого текста евангельского чтения, замененного лишь отсылкой «чти в тетровом евангелии». Всего на указанных 14 листах записано три проповеди.

Вторая часть занимает страницы 15^r – 102^r, 103^r – 188^v и является исходной частью рукописи. Написана более широким, чем предыдущий, и в целом более небрежным полууставом, с меньшим количеством ударений и надстрочных знаков, в один столбец по 29 строчек на странице. Заголовки написаны киноварной вязью, которая с течением времени окислилась и местами превратилась из красно-оранжевой в коричнево-серебристую, киноварью же написаны и буквицы в начале евангельской перикопы и следующего за ней толкования. Перикопа из Нового Завета, предваряющая в этой части каждую проповедь, отделена от толкования надписью киноварью «конец евангелии святой» в разных вариантах сокращений. Цвет чернил основного текста варьируется от бледно-коричневого до яркого черного. В этой части содержатся проповеди на практически целый церковный год, а также несколько народно-апокрифических легенд: рассказ об явлении знамения креста Константину Великому и о находке креста Христова царицей Еленой, рассказ о четырех чудесах Богородицы, несколько рассказов о низвержении ангелов и о подвигах святого Михаила, житие святого Николая и рассказ о его чудесах, повествование, которое является переработкой древнего «Сказания Афродитиана», апокрифическое повествование о ризах Богородицы и о новом проявлении неверия Фомы и поучение на десять заповедей.

Что касается третьей части, то мы склонны считать этот текст позднейшим дополнением: оно написано тем же самым почерком, что и большинство маргинальных записей в этой рукописи и целая рукопись под сигнатурой IX С 18, о которой кроме прочего известно, что она была сшита с исследуемой рукописью в один том.² Эта часть представляет собой небольшой текст, помещенный на странице 102^v, содержащий притчу о соответствии времен дня периодам жизни человека. Чернила яркие черные, некоторые заглавные буквы выполнены киноварью, которая утратила свой исходный цвет. Левая часть страницы укреплена прозрачной бумагой, что затрудняет прочтение четырех присутствующих здесь записей на левом и нижнем поле.

С точки зрения языка три указанные части ожидаемо разнятся: первая написана на местном марамарошском диалекте с кар-

² Яворский, *Новья рукописныя находки*, 43.

пато-русскими чертами и с многочисленными заимствованиями из венгерского языка, вторая часть – на мараморошском диалекте с многочисленными заимствованиями из польского языка, но менее многочисленными, чем в первой, карпато-русскими чертами. Третья часть написана на церковнославянском языке с заимствованиями из местного диалекта. Правописание среднеболгарское, во второй части встречается Ж, однако оно далеко не всегда последовательно выдержано.

По своей форме памятник представляет собой типичное учительное евангелие, которое могло быть использовано в церкви при служении литургии. Однако, содержание некоторых проповедей, например, о супружеской верности, наличие неканонических, апокрифических текстов, а также перевод Священного Писания с церковнославянского языка на местный диалект свидетельствуют о возможном нелитургическом использовании памятника. Рукопись могла использоваться в качестве учебного пособия по объяснению библейского текста прихожанам в воскресные дни после литургии.

Кто был автором этого учительного евангелия, мы не знаем, более того, не представляется возможным определить, является ли этот памятник письменности оригинальным или переписанным из другого, более раннего источника.

Что касается времени создания рукописи, то прямого указания на год написания в книге нет, однако Яворский отмечает, что по черки, которыми написано Углянское учительное евангелие, относятся к XVII веку,³ а вслед за ним Вашица и Вайс⁴ относят рукопись к XVIII в. Старейшая датированная пометка на полях содержит информацию о эпидемии 1710 года, что не опровергает нашу теорию о возникновении памятника в конце XVII века, так как пометки на полях – позднейшее дополнение. Приведем текст этой записи целиком: «Рокъ дѣти. У мор великій У Петровъ постъ пречтвнѣа попада Маріа наглоб смѣртію. Прогти ей Гдѣ грехы и пройми У свои полатчы, амин, амин. Тако дай, Бѣже вѣчнаа пам. ѿ.» (173^v).

Вторая исследуемая нами рукопись – Углянский сборник Клоч – также является кириллической рукописью закарпатского происхождения, созданного в конце XVII в. Как и Углянское учительное евангелие, эта рукопись принадлежала Углянскому православному монастырю, о чем свидетельствуют многочисленные заметки на полях. Подобно предыдущей, эта книга была куплена Юлианом Яворским в 1926 году, о чем говорит надпись на переднем форзаце «При-

³ Яворский, *Новыя рукописныя находки*, 41.

⁴ Vašica, Vajs, *Soupis*, 93.

обр. въ августъ 1926 г. въ с. Сокирницѣ, Мараморошской жупы, въ Закарпатской Руси». В настоящее время рукопись под сигнатурой IX С 18 находится в Отделении рукописей и старых книг библиотеки Национального музея Чешской республики в Праге.

Рукопись IX С 18 представляет собой бумажную книгу из 111 листов размером 29,5х19,5 см, в переплете первой половины XX века с бордовым кожаным корешком. После 1980 года рукопись подверглась профессиональной реставрации – книжный блок был отделен от переплета, ветхие углы и края дополнены бумажной суспензией, а рваные края заклеены, после чего отдельные тетради были вновь сшиты под переплет. В настоящее время состояние рукописи оценивается удовлетворительно, однако после реставрации ветхих краев текст на некоторых строчках в начале и конце страницы, а также многочисленные маргинальные записи стало невозможно прочитать.

Пагинация арабскими цифрами проставлена в середине верхнего поля верхнего листа более новым почерком.

Название «Ключ» могло быть дано сборнику по аналогии с «Ключом разумения» Иоанникия Галятовского, и отражается в двух записях на полях следующего содержания: «Сія книга реченая Ключъ, кто знае добре читати, Магея Штефана». Имена некоторых из предыдущих владельцев рукописи, Магея Штефана, а также Иванчо Андраша и Михаила Розмана встречаются и в рукописи IX С 19, что подтверждает их общую историю. Другие пометки на полях касаются аномальных погодных условий в отдельные годы, эпидемии холеры 1855 года, восстания куруцов против «немецкого царя», отсутствия крепкой веры в людях и другого.

Рукопись написана одним и тем же почерком, но в разное время, об этом свидетельствует разный размер букв и количество строк: от 22 до 42. Тип письма, по мнению Яворского⁵ и Вашицы и Вайса,⁶ – полуустав, местами переходящий в скоропись, однако он сильно отличается от полуустава, которым написано Углянское учительное евангелие: на наш взгляд, Углянский сборник Ключ написан переходным между полууставом и скорописью типом письма. Следует также отметить, что именно этим почерком написана большая часть заметок на полях в Углянском учительном евангелии. Этот почерк характеризуется меньшим использованием надстрочных знаков, ударений и титл, а также более широкими интервалами между отдельными словами и предложениями. В рукописи отсутствуют такие декоративные элементы как вязь и киноварь,

⁵ Яворский, *Новыя рукописныя находки*, 71.

⁶ Vašica, Vajs, *Soupis*, 72.

однако заглавные буквы выписаны жирно, начало повествования украшается буквицей, но ее наличие, написание и размеры не выдержаны последовательно. Не всегда также понятны границы повествований: в некоторых случаях, особенно ближе к концу рукописи, текст написан сплошь, а в других на месте отступа бывают вписаны заметки более мелким шрифтом.

Некоторые повествования написаны на церковнославянском языке с местными чертами, но язык большей части сборника – подлинный, живой мараморошский диалект с многочисленными заимствованиями из венгерского, польского, чешского или словацкого и румынского языков.

Памятник разнообразен по своему содержанию, в него входят воскресные *проповеди* (на Пасху, на Цветную неделю, О мытаре и фарисее, на Рождество Христово – две, на 28 неделю „по всех святых“), *поучения* (о гневе, о заповедях, о милостыне, о снах, о манне как прообразе евхаристии, о гордой девице, о страшном суде, об ангеле-хранителе, поучение святого Никифора православным, из Собеседования святого Григория Двоеслова о посещении церкви, о Товите, о суде Божьем, о милостыне и церковных приношениях, о Сусанне и страцах, о значении исповеди, о безмолвии, о ропшущих, о страхе божьем, о беззлобии, о страстях человеческих, о злопамятстве, о злых людях, о слепых вождях – нерадивых священниках), *свод выписок из древних философов и пророков, отрывки из Ветхого Завета* с толкованием (об осаде Самарии, о взятии Иерихона и блуднице Раав – дважды, о Юдифи, об Ахаре, о сыновьях жреца Илии, о пророке Самуиле, о Давиде и жене Урии, поучение о тягости жизни и предпочтении смерти), *повесть о Варлааме и Иоасафе* с толкованием, *притчи* (о двух слугах – лукавом и верном), *повести из цикла Деяний Римских* (о короле, выбранном на один год, о трех истуканах царя Льва, о трех мудростях, о золотом яблоке, о дочери царя Веспасиана и рыцаре, о злодее, о волшебном зеркале), *повесть о том, как Иисус Христос учинил кровное братство с Провом*, *выписки из книги называемой Бисер*, *выписки из книги Цветник или Лимонарий* (о письме господнем к дьяволу, об освобождении Адама в аду от пут), *отрывки из книги Месиаиш* авторства предположительно Иоанникия Галятковского, *сказание о Сивилле*, *апокрифическое слово об Иоакиме и Анне и о рождестве Богородицы*, *отрывок из „Лимониса“* о Полумпии, *разнообразные слова* (о монахах первых, последних и о мирских из Патерика, о чужеложнике, о сапожнике, о Соломоновой премудрости и измене его жены, слово святого Василия, о правде), *видение святого Макария* о загробных мытарствах и о рае, *изречения святого Макария*, *выписки из книги Зерцало или Диоптра* (о роптании, о безмолвии и другие), известное *Сказание о рыцаре и смерти*, апокрифическое *Сказание Афродитиана* о рождестве Христовом, *ветхозаветные про-*

рочества (о Святой Троице с апокрифическим мотивом о воскрешении зажаренного тельца, о сожжении Содома и о Лоте), *повести* (о Семирамиде, о войне, которому Иоанн Златоуст показал бесовское войско), *побуждение к молитве* (компиляция из разных библейских мотивов), *легенда о происхождении павликиан*, *повесть о дочери Александра Великого Сармовиле и о живой воде*, отдельные *повести из Физиолога* (об олени), *духовную песнь грешных людей*, *апокриф о низвержении ангелов*, *толкование евангельской притчи о смоковнице*, *вопросы и ответы* о предметах и действиях церковной обстановки и богослужения, *церковнославянскую легенду* о пустынноике и ангеле, *выписки из книги Беседы, слова Иоанна Златоуста* (о любви женской, нравоучение на Деяние) и *две истории на погребение*. Некоторые отрывки из рукописи издал Ю. Яворский в «Новых рукописных находках...».

Сборник поучений и легенд как церковного, так и светского характера, Углянский сборник Ключ, вероятно, также использовался в образовательных целях. В связи с очевидно нецерковным, развлекательным характером некоторых повествований, нам представляется невозможной гипотеза Ю. Яворского об использовании этого сборника при богослужении в качестве назидательного чтения.⁷ Мы предполагаем, что Углянский сборник Ключ использовался наряду с Углянским учительным евангелием для воскресного обучения прихожан основам вероучения, которое происходило уже после литургии.

Что касается времени создания памятника, то на обороте листа 30 есть запись следующего содержания: «Рокѹ „дѣче мѣца апрѣла дни кѣѣ», то есть 25 апреля 1695 года, которую мы склонны считать датой создания рукописи. С этой датой согласуются и некоторые косвенные исторические указания в текстах, особенно следующее: «Повстали на него панове арцадскии, шбы крѣла забито, так теперь кѣрци на немецкого царя» (57^а), которое относится к протигабсбургскому восстанию куруцев под предводительством Имре (Эмериха) Текели, которое произошло в 1677 году в северных комитатах Венгерского королевства.

Кто был автором рукописи, мы не в состоянии установить, однако на основе анализа текста некоторых записей мы можем утверждать, что Углянский сборник Ключ – оригинальный сборник, насколько это можно сказать о компиляции с разных источников. Настоящим мы имеем в виду, что автор не просто скопировал материал источника, но и выразил в нем свое отношение к происходящим событиям, то есть выступил в роли именно автора, а не переписчика.

⁷ Яворский, *Новья рукописныя находки*, 80.

Место возникновения рукописей – Углянский монастырь (также Угольский, Зановский, Заневский) – находится в селе Малая Уголька Тячевского района Закарпатской области Украины, в двенадцати километрах севернее села Угля, что и определяет его название. В разное время в районе села Угля было несколько монастырей, так, в самом селе Угля в настоящее время находится женский действующий монастырь в честь Успения Пресвятой Богородицы, который был построен в 1925 году на месте разрушенного в XIX веке униатского василианского монастыря, и который также называется Углянским. Однако местом возникновения Углянского сборника Ключ и Углянского учительского евангелия является монастырь в селе Малая Уголька. В «Списании обителей Мараморошских» за 1735-1749 гг. про него пишут следующее: «Обитель Угольська, інакше Занево, когда ся почала, знати не мож; кажуть люди, иж разом із селом создан єсть». Село Угля впервые упоминается в документах в 1402 году, следовательно, монастырь был основан за несколько десятков лет до этой даты, приблизительно в 1350 году. Под названием «монастырь Занов в горах» он упоминается в документе 1558 года⁸ как большая обитель, в которой живет 330 монахов, имеется хозяйство и более тысячи овец в горах.

В Углянском монастыре время от времени останавливался противник унии православный епископ Иоанникий Зейкан (†1684), а также его преемник Мефодий Раковецкий (†1693), отсюда же управляли епархией и бывший монах Углянского монастыря епископ Иосиф Стойка (1692-1711) и последний закарпатский православный епископ Досифей Феодорович⁹ (1711-1734).¹⁰

В 1662 году православные Марамороша окончательно разделились на две группы по национальному признаку, румынские приходы признали власть белгородского митрополита, а славянские – мукачевского православного епископа Иоанникия Зейкана. В 1664 году в Мукачево получил кафедру униатский священник Партений Петрович, владыка Зейкан перебрался в Имстичево, а оттуда – в Углянский монастырь. С тех пор кафедра мараморошских православных епископов находилась в Угле.¹¹

В 1677 году в северо-восточных комитатах Венгерского королевства произошло восстание куруцев под ведением Имре (Эмериха) Текели с целью освободить Венгрию от Габсбургов.¹² Уния в это

---

⁸ По другим данным, 1552 года.

⁹ Пап, *Історія Закарпаття*, 287.

¹⁰ По другим данным, 1718-1734 (Pop, *Dějiny Podkarpatské Rusi*, 487), или 1718-1733 (Пекар, *Нариси*, 73).

¹¹ Пекар, *Нариси*, 69.

¹² Pop, *Dějiny Podkarpatské Rusi*, 97.

время переживала худшие времена, это было время борьбы за право именованья мукачевского епископа.¹³

Нежелание принять унию стало главной причиной того, что в 1690 году Мараморош отделился от Мукачевской епархии и здесь был назначен православный епископ. К сожалению, мараморошские епископы были не в состоянии независимо управлять своей епархией, и подчинились протестантскому руководству. Духовенство разделилось на три группы: одни хотели остаться под руководством протестантов, другие – обособиться и продолжать служить по православному обряду, а третьи склонялись к принятию унии.

До 1716 года в Марамороше не было униатского епископа, но на епархиальном синоде победила проуниатская группа, которая назначила епископом Марамороша Степана Петрована, в монашестве Серафима (1711-1717). После его смерти в 1717 году епископскую кафедру возглавил православный Досифей Феодорович (1718-1733), который стремился распространить свою власть и на униатов.¹⁴

В 1722 году по распоряжению Карла VI Мараморошская православная епархия с резиденцией епископа в Углянском монастыре была отменена, а территория присоединена к Мукачевской греко-католической епархии, так закончился процесс объединения православной и католической церкви в Венгерском королевстве¹⁵. Однако даже несмотря на отставку и запрет деятельности, исходящий от греко-католического епископа Геннадия Бизанция, епископ Феодорович продолжал тайно рукополагать священников и издавать разного рода диспенсации до самой своей смерти в 1733 году.¹⁶

Настоятели Углянского монастыря в конце XVII века имели четкую отрицательную позицию по отношению к современным процессам, проходящим в то время в церкви византийского обряда в Мукачевской епархии, поэтому антилатинизационные тенденции руководства нашли отражение в памятниках литературы, возникших в Углянском монастыре.

* * *

Одним из источников, которые были использованы при компиляции Углянского сборника «Ключ», является сборник «Римские деяния», или *Gesta Romanorum*. Это средневековый сборник легенд на латинском языке, имевший широкое распространение: ученые насчитывают более ста списков этого памятника, причем не существу-

¹³ Пекар, *Нариси*, 69.

¹⁴ Пекар, *Нариси*, 72.

¹⁵ Поп, *Dějiny Podkarpatské Rusi*, 148. cf. Haraksim, *K sociálnym a kultúrnyim dejinám Ukrajincov*, 50.

¹⁶ Пекар, *Нариси*, 73.

ет двух идентичных его списков.¹⁷ По жанру Римские деяния – это «сборник, составленный из псевдо-исторических рассказов анекдотического характера, приводимых с нравоучительной целью».¹⁸

Точные время и место его создания неизвестны. За основу сборника Пташицкий склонен видеть сборник XI в. *Disciplina Clericalis*: 15 рассказов из этого сборника вошли в состав «Римских Деяний». Кто был автором сборника, установить невозможно: продукт коллективного творчества, сборник создавался постепенно, отдельные его переводы отличаются друг от друга. Наиболее подходящие рассказы выписывались из уже существующих сборников, дополнялись рассказами из других источников, имевших распространение в отдельной культуре, такой процесс компиляции и обусловил существование многих национальных редакций сборника.¹⁹

За долгое время своего существования рукопись была переведена с латинского на основные европейские языки, так, известны переводы на английский, немецкий, французский, голландский, чешский и другие языки.

Латинские тексты Римских Деяний, написанные в Германии, – это самая древняя на сегодняшний день группа памятников, в нее входит 112 рассказов. Именно из этой группы берут свое происхождение чешская и польская редакции сборника.²⁰ Для польской редакции *Gesta Romanorum* характерен особый состав сборника: содержащиеся в этой версии рассказы резко отличаются от всех остальных западно-европейских редакций, включая также особую, ни на что не похожую английскую версию.

На русскую почву Римские Деяния пришли в конце XVII века из Польши.²¹ Это доказывает как прямое свидетельство писцов в заглавии отдельных списков, что рассказы в сборнике переведены «ново и списаны съ друкованой съ полской книжицы и языка на словенскій/русскій язык» или даже указание на соответствующее издание: «Печатано въ Краковѣ, въ типографіи пана Войтеха Секѣлновича ... въ лѣто отъ Христова рождения 1663 году»,²² так и состав и последовательный порядок глав в польских и русских редакциях.

Русская редакция «Римских деяний» содержит от 38 до 40 повестей, которые возникли на основе исторических повестей, житий святых, народных анекдотов и сказочных сюжетов. Основная особенность этих повестей заключается в их композиции: за историей

¹⁷ Пташицкий, *Средневековыя западно-европейскія повѣсти*, 6.

¹⁸ Пташицкий, *Средневековыя западно-европейскія повѣсти*, 4.

¹⁹ Пташицкий, *Средневековыя западно-европейскія повѣсти*, 6.

²⁰ Пташицкий, *Средневековыя западно-европейскія повѣсти*, 10.

²¹ Яворский, *Повѣсти изъ «Gesta Romanorum»*, 3.

²² Яворский, *Повѣсти изъ «Gesta Romanorum»*, 4.

всегда следует толкование. Также интересным нам кажется отметить, что русский перевод существовал в рукописной форме, тогда как польский оригинал был уже печатным.

Как и многие другие переводы с польского на русский язык, текст «Римских деяний» был сначала переведен на западно-русское наречие, и только потом «принять общеписьменный, славяно-русский вид».²³ Текст перевода на западно-русское наречие не сохранился или до сих пор не найден, но его отрывок, переработанный и приспособленный для проповеднических целей, в меру упрощенный, находится в Углянском сборнике Ключ. Еще одна версия отрывка карпаторусской редакции содержится в Перемышльском сборнике Иоанна Юрковского, также относящегося к XVII – XVIII в., однако о нем нам известно лишь то, что в 30-х годах XX века он принадлежал Юлиану Яворскому; в настоящее время мы не располагаем текстом этого сборника.

В своей работе, посвященной проблематике «Римских деяний» в карпаторусской среде Ю. Яворский приводит сравнительный анализ лексики польской, карпаторусской и русской редакций, чем подтверждает переводной характер повестей.²⁴

Углянский сборник Ключ содержит девять повестей, восемь из которых берут свое начало в Римских Деяниях:

1. «Повесть о трех истуканах царя Льва» содержится не во всех русских списках. Рассказ о человеке, который нарушил запрет царя Льва снимать с каменных идолов золотые предметы: кольцо, бороду и плащ. С толкованием.

2. «Три мудрости продание». Повесть о том, как царь заплатил купцу тысячу золотых монет за три совета, соблюдение которых трижды спасло царю жизнь. В повести содержится упоминание о восстании куруцов 1677 года: *За ёго справѣливосѣ же Ѹ прѣдѣ ѡсѣлх держѣ. побстали на него пѣнове ѡсѣдский ѡбы крѣла забито лѣтѣ чеперх кѡрци нѣмѣчского цѣрѣ, а толкование содержит полемическую нападку, направленную против объединения православной церкви с католической: ѡсѣдский пѣтѣ еѣ чтоѣ десѣтѣро вѣжѣ прѣказана [...] ѡ стѣка еѣ новоймыѣ ленаѣ вѣра попѣчнаѣ, на ней позасѣдали забойцѣ пекѣнныи; котрѣ чтоѣ дорого много ѣ нѣдеѣ чепѣ: лакоѣцѣ, што посты стѣи не говѣюѣ, паницѣ оѣ пѣ, ѡвѣжѣцѣ, лѣнныи, небѣдержѣнныи, гѣтѣ содѣжѣтели ѣ прочѣ.*

3. Повесть «Памятай человеце на смерть» рассказывает о печальном короле, который постарался объяснить своему брату причину печали, призвав его на казнь и посадив над могилой. Объяснения короля о конечности жизни и близости смерти так наглядны, что за этой повестью не следует толкование.

²³ Яворский, *Повѣсти изъ «Gesta Romanorum»*, 5.

²⁴ Яворский, *Повѣсти изъ «Gesta Romanorum»*, 8-9.

4. «Золотое яблоко» или легенда о короле, избираемом на один год. Умиравший король завещал своему сыну изготовить золотое яблоко и подарить его самому глупому человеку в мире. После похорон сын отправился в путешествие по *Уѣвъ ѡблагѣ ѿ по Чѣжѣ Зѣлаѣ*. Он долго не мог найти самого глупого человека, пока не пришел в один город, в котором встретил *коѣла того ѡрлага черѣ влриѣ ѿдѣцаго ѿз великоѣ поппѣ влрзо пышно*. Местные жители рассказали гостю о своем обычае выбирать короля на один год среди иностранцев, а после у короля отнимают все богатства и отправляют нагого в заточение. Тогда королевский сын понял, что король этого государства и есть самый глупый человек в мире и ему следует подарить золотое яблоко умершего отца. При личной встрече королевский сын рассказал королю об обычае горожан и посоветовал отправить *иклѣѣ кѣчѣ богачѣтѣ* в место своего будущего заключения. В толковании к этой повести объясняется, что золотое яблоко – это метафорическое изображение Священного Писания, которое *подѣ Гѣъ стѣый наѣ дѣнѣмѣ*.

5. Повесть «Дочь царя Веспасиана и рыцарь» является вариантом широко распространенного сюжета об испытании женихов. У короля Веспасиана была дочь Агалатес, которую он переименовал из-за ее красоты в Панну Потешную, чтобы каждый грустный человек, посмотрев на нее, утешился. Около дворца Веспасиана был сад, в котором жил лев. Царь Веспасиан решил, что каждый юноша, который хочет взять в жены его дочь, должен провести в саду три или четыре дня. Много князей приходили свататься к Агалатес, но никто не выходил живым из сада. Один рыцарь, тоже пришедший свататься, попросил перед испытанием поговорить с невестой. Агалатес объяснила ему, как победить льва, и посоветовала взять с собой клубок ниток, чтобы выбраться из лабиринта (этот мотив известен уже в древнегреческой мифологии). Рыцарь послушался и победил льва, однако в бою потерял конец нитки, но через три дня нашел выход из сада. Толкование повести построено на следующей метафоре: *той коѣъ ѣ пѣ хѣ бѣъ, ѡ дѣѣа крѣснаѣ ѣ цѣтѣво нѣноѣ. ѡ кто хоче цѣтѣво ѡдержати, то мѣсиѣ перше на той свѣтѣъ пѣйчи до керѣѣ*. Потеря конца путеводной нити после победы над дьяволом символизирует людей, которые по *прѣлѣтѣно ѡпѣѣ ѡверѣгаѣѣса на грѣхопадѣнѣа*, которое можно преодолеть трехдневным постом, а также *исрѣха, ѿповѣѣ, покѣтѣа цѣлаѣ*.

6. «О злодеи поучение». Царь Асмодей ввел правило, по которому преступника полагалось отпустить, если он *чрѣѣ прѣдѣы чѣкѣнѣ повѣѣѣ, котрѣѣнѣ никто не мочѣ доганѣѣ дѣчи*. Пойманный однажды преступник сообщил три очевидных факта о себе и был отпущен с миром. В кратком толковании говорится, что царь Асмодей – это Бог, и объясняется смысл трех «правд».

7. Повесть о кающемся рыцари в церкви рассказывает об одном рыцаре, который хотел покаяться в своих грехах и получил наказ от священника провести в церкви целую ночь в молитве. Как только рыцарь остался в церкви один, его стали искушать дьяволы. Дьявол являлся рыцарю сначала в обличье враждебного рыцаря и вызывал его на бой, потом в обличье жены с детьми и сестры рыцаря, которые жаловались на нашествие татар и просили о помощи, третьим искушением была весть о пожаре в селе и горящей церкви, а при последнем дьявол предстал перед рыцарем в обличье священника и выгонял из церкви. Однако рыцарь не поддавался на искушение и *оный рицерь и немешя чотыри корѣны наробакы вѣдъ Господа Бога за чотѣры терпенїа*. Эта повесть не входит в другие редакции Римских Деяний, однако этот бродячий сюжет был широко известен как в Европе, так и на Руси, и, по всей видимости, был включен в состав сборника по аналогии: другие национальные редакции также содержат посторонние бродячие легенды.²⁵ Повесть не содержит толкования.

8. Повесть «Три задачи» построена на широко известном народном мотиве выбора человека после отгадывания трех загадок. В настоящей повести речь идет о выборе жениха для королевской дочери.

9. Отдельно от предыдущих в Углянском сборнике Ключ записана повесть «Волшебное зеркало». По сюжету неверная жена хотела погубить своего праведного мужа и нашла для этого *кнїника*, который сделал восковую фигуру мужа. Муж, бывший в то время в паломничестве в Иерусалиме, встретил в городе другого *кнїника*, который захотел его спасти и дал волшебное зеркало, смотря в которое муж видел происходившее в его доме. Его противник трижды стрелял в его восковую фигуру, но дважды промахивался, а на третий раз *стрѣла агля вѣий завѣнѣла ѿ его грѣдї, ѿ ѿм ѿбнлз чорнотнїкы*. Следуя советам израильского книжника, читая псалмы и погружая голову в воду на время выстрела, мужчина спасся.

Углянский сборник Ключ также содержит еще одно повествование, которое может быть включено в цикл Римских Деяний: речь идет о кратком, проложном «Поучении о житии и о смерти» (26^r – 27^r), которое содержит мотив о царе, избираемом на один год. Характерно, что само повествование написано на церковнославянском языке, что свидетельствует о распространенности сюжета в письменном виде, а толкование – на местном наречии.

Все повести из Римских Деяний носят учительный характер, однако герои этих повестей, короли и отважные рыцари совсем не похожи на библейских героев и святых. Они сомневаются и оши-

²⁵ Яворский, *Повѣсти изъ «Gesta Romanorum»*, 7.

баются, как и простые люди, и в конце приходят к вере и спасаются. Повести из Римских Деяний, включенные в состав учительного сборника, читаемого в церкви, являются примером начала формирования светской литературной традиции, вырастающей на корнях церковной учительной литературы.

Яворский предполагает, что карпаторусская версия была создана не для чтения, а для слушания, адаптирована для неграмотных слушателей. Это отражается как уровне языка, так и на уровне содержания: сложные или малопонятные пассажи сокращены, упрощены, а более простые мысли и сюжеты более разработаны.

Яворский указывает на живой язык толкований, который описывает как язык мараморошских лышаков, и на местные деревенские нравы, интересы и грехи, против которых направлены определенные объяснения, например, мелкое взяточничество: «а. ѿ еѣ што рѣкѣ простертѣю имаетѣ. бѣ людѣ простѣиѣ ѹбогиѣ. еслн да што хотѣтѣ двѣстатн оу панѣ. ѹ корлю. черѣ прѣ. свѣѣ. то мѣлѣтѣ рѣкѣ. н клати простѣтѣю и гѣднко^м. бо дары ѿчн замазѣютѣ правосѣѣм. а еслн бы чѣтѣто рѣ. сѣдѣа чомѣ оузѣ ѿ ѹбогогѣ чѣлка да н рѣѣ чомѣ бы^м. не ѹзѣ. колн ѿ бѣ минѣ даѣ н лѣкы свое^м. колн. бы^м. гѣ тоѣ не ѹзѣ. а минѣ бы мовѣ нншнѣ. ѿ е^м доурѣ. н прочѣ е^м ѹзѣвѣ. даѣ не поколн сеѣтѣ ѹбогиѣ» (57^г).

Как мы уже упоминали выше, Угленский монастырь с конца XVII века был центром православия в северо-восточных областях Венгерского королевства, поэтому полемические выпады против латинян и униатов отразились в текстах памятников, созданных в Угленском монастыре. Так, в толкованиях легенд из «Римских деяний» можно найти фразы, направленные против представителей других церквей. Например, следующий метафорический пассаж о правильном выборе пути: «не ѿпѣцѣтн сѣ старого арѣлскогѣ пѣтн. про стѣкѣ. арѣлскыѣ пѣтѣ еѣ. тоѣ. десѣтеро вѣжѣ прѣказа. котроѣ чѣкѣ имѣ зѣшѣ дѣжатн а до смѣртн бо не^м хѣднтн. а стѣка еѣ нѣвоѣмѣшленѣ бѣра попѣчнаѣ на ней позасѣдалн забойцѣ пекѣнныѣ. кто чѣды пойдѣ. то нстѣно забнѣ бѣде на дшн. котрѣ то дорогѣ. много н ндеѣ. Тепѣ. Лѣко^мцѣ. што посты стѣн не говѣютѣ. пѣницѣ оу пѣ. ѿбжнѣцѣ лѣннѣвыѣ. невѣдѣржнѣцн. гнѣ содѣжнтелн. а прочѣ» (59^г).

Или следующий совет: «Не нчѣватн нѣгды чѣ^м. дѣ старнѣ гѣбѣподѣ. а жонѣ ѣ молодѣлѣ. Стгары^м госпо^мрѣ. свѣѣтѣ еѣ. а молодѣлѣ жонѣ еѣ спрѣдѣ еѣгосвѣ^тнаѣ. бесѣда зѣлѣ гѣка» (59^г).

В поучении о манне находим критику протестантов по вопросу евхаристии:

«ѿтѣд знѣйте герѣтнцн мѣзѣнныѣ. ѹ той мѣнѣ. чѣкын. чѣда былн. а на шѣн в нѣкон бѣлагѣдѣтн. котрѣлѣ нѣ то мѣѣѣ нѣстѣпнлѣ. прѣбѣтн^м хѣтѣ гѣдѣѣте бытн. оучннлн естѣ лѣѣшаго. н мо^мнѣшаго. на почѣтѣхѣ. люѣкѣю. мо^мсѣлѣ. а нѣлн н хѣ снѣ вѣжѣлѣ. вѣ^мгрѣлн естѣ на то^м фрнмѣкѣ. за мѣнѣ чѣлѣ дннѣю. простѣиѣ еѣтѣ чѣслскыѣ хѣтѣ оузѣлн. за стары^м кѣпенѣлѣ. рѣдѣвѣю

сто^юню. За сѣѣ фѣгѣрѣ. и полѣ"шю фѣгѣрѣ. оузали геретники. По нѣгды. хлѣѣ каѣвѣѣкый тѣѣ. За^нный не ѣ. гаѣ мѣна былѣ» (48^v).

О сторонниках унии говорится следующее:

«повелѣ нѣх мѣчти сѣло. и снагти нѣз нѣх. ѡбѣдети с ннѣ кобжѣ. понеже бѣ кожа на ннѣ крѣена. тнѣ же мѣзѣ гѣко сѣтын мѣчаѣса же ѡни сѣтын. гѣко римла со ѡнѣтѣми. сѣтыми называюѣса: того ради нарѣкаюѣса паблнкнѣне. понеже бражю надкоу ѡзали и писмо» (70^r).

«Изъ ѡмѣтаю са хѣ. и вѣхѣх хрѣтѣанѣ инце ѡнѣлатове чнѣнѣ. дѣволѣ фармекеѣ. рѣ. нѣ запишиѣса мнѣ дай рѣкопѣсанѣе свое. мой ты бѣдешѣ вѣвѣкѣ. истнѣно тѣѣко. И ннѣ дѣволѣ са римскомѣ попове своима рѣкѣми запиѣша <...> Шатѣской ѣдностн. рѣшнѣ римской ѡнѣнѣ» (73^{r-v}).

«понеже ѣ проклѣтаѣ ѡ бѣга. гѣко ннѣшннѣ римчнкнѣ ѡнѣтнѣ. бо не вѣрѣюѣ» (76^r).

«паде ѡгнѣ на ны. на ѡнѣлатовѣ и не видѣтѣ, бо не видѣло снѣце ѡчнма. Паде ѡгнѣ на ны, на ѡнѣлатовѣ и не видѣтѣ снѣца хѣ» (103^v).

«ѡ новыѣх ѡнѣлатѣѣ. ѡ порѣныѣх сѣвѣрей» (76^v).

В повествовании о слепых вождах упоминаются «нѣмци, лютры, калвинове», а следующее говорится о священниках: «ѡѣ бо нѣцѣй ннѣ во рѣдѣ моеѣ. тѣѣковнѣ, попы: воѣды слѣпнѣ. ѣже глѣютѣ: шѣто намѣз, по кнѣга. ѡчнтѣннѣх, довлѣѣ мнѣ; часѣлѣ. и ѡѣчѣра» (110^r).

Следующие критические пассажи касаются непосредственно прихожан, перебивших веру: «ѣжѣ и поганѣ слѣжѣ хѣнѣ. ѣ рѣснѣ нѣѣ. тѣнѣ волошнѣ. хочѣнѣ называюѣса хрѣтѣанѣми» (47^r).

«вы бышнѣ хрѣтѣанѣ. землю не опечалѣйте не ѡсквернѣйте, гѣжѣ досыѣ поганове, тѣрѣцнѣ. тѣтѣрѣе. нѣмѣцнѣ. лютры. каѣвннѣе. спѣганнѣша людѣ сѣю вѣжю землю во црѣкѣнѣ» (110^r).

«ншли много народѣ и вѣрѣнѣса ѡ него. грѣхнѣ исповѣдали: и при-мобали вѣрѣ хрѣтѣкѣю: ѣ тѣпѣ люде лишнѣ. и нѣѣ знѣтнѣ гѣкою вѣрѣ дѣжатѣ. ннѣ постѣ не дѣрѣжѣ. ѣ нѣ сповѣдаюѣса грѣхѣ. нѣ оутрѣнѣ. ѣннѣ рѣснѣ» (18^v).

Автор не упускает возможности научить своих прихожан защищать свою веру: «Прѣто на"мнѣши" хрѣтѣанѣ. рѣглячнѣса, и спрѣчнѣваючнѣ поганѣ жндоѣ. и геретнкоѣ. ѣ стѣточно вѣрнѣтнѣ прѣднѣвомѣ иѣ хѣ снѣ вѣжомѣ нѣзѣвѣнѣтѣлевнѣ. нашѣмѣ» (5^v).

«вѣрѣ хрѣтѣкѣю. дѣжали при совѣ чисто. котрѣю то вѣрѣ. ѡсѣ геретники. не дѣжѣтѣ послѣнѣлы ѡ ненѣ» (66^r).

В Углянском учительном евангелии также содержится упоминание о современной автору ситуации в церкви:

«были латнннѣцнѣ вѣспѣлѣ нѣзѣ грѣкнѣ. при ѣдннѣ ѡставѣ ѣ лѣѣ и пѣ и ѣ лѣѣ. и на вшнѣкоѣ ѣднѣ была. проскѣрѣю сѣжжнѣнѣ. мѣльженѣцнѣ слюбн-мнѣ мѣлнѣ. церемѣнѣ ѣднѣстѣннѣ былнѣ црѣкѣннѣнѣ. гѣко то ннѣ грѣкѣе и рѣсѣ. дрѣжнѣмо за лѣскою мнѣлого бѣ. и нетрѣба са ѡцнпѣтнѣ ѡ оутѣавѣ ѣплѣскѣнѣ. котѣраѣ то ѡставнѣла сѣла сѣборнѣлѣ ѣплѣскѣлѣ црѣкѣѣ. до скѣнѣченѣнѣ сѣвѣтѣ не бѣде зннѣченѣна. вѣ грѣцѣкоѣ и вѣ рѣкоѣ законѣ мнѣлоѣ» (62^r).

Еще одна проповедь в Углянском учительном евангелии содержит критику «небѣрныи людий, которий непослушни цѣкви стѣои. ѿ выстѹпжюи ѿ законѹ. на своеблизитѹ. слжхаютъ науки фальшиной лютерской» (129^р).

В других памятниках письменности встречаются и более яркие полемические нападки на представителей других церквей, так, например, в Сокирницком сборнике XVII века католиков называют следующим образом:²⁶ «зміи римский» (27^в, 72^р), «западный костел – баламутъ бѣсовский» (113^р). О сторонниках церковной унии – следующее: «тыи священници, которые приша сатанинскую вѣру през унѣю, за попадѣ, за чада своя двоякая, за покой и за славу сегосвѣтную краткую, продашася римляномъ во всепагубное безуміе ихъ» (81^р), «лестнии унѣяти» (82^р, 114^р). Особенно много нападок в сборнике содержится на протестантов: «[они] зъ единой прелести во другую поскакують, зъ лютерской во калвинскую, а съ неи во арианскую» (73^р); автор называет их «понурци» (30^р, 31^р, 35^р, 110^р), «летераки» (30^р, 31^р, 35^р), «вудохресты» (55^р, 80^р, 99^р, 110^р, 112^р), «геретици» (78^р, 79^р, 80^р), «грешники» (80^р), «отщепенцы» (78^р, 99^р), «псы» (112^р) и бранит их другими словами. Подобные полемические нападки однозначно отражают отношение и реакцию православной части общества на латинизационные и реформационные процессы, происходившие в северо-восточной части Венгерского королевства в конце XVII века.

* * *

Петер Женюх отмечает в своих работах, что в XVII – XVIII вв. в изучаемом регионе была распространена практика перевода евангельских перикоп, о чем свидетельствуют также тексты Ладомировского учительного евангелия, евангелия Ивана Капишовского и евангелия Климента Буковского.²⁷ Без сомнения, тексты евангельских перикоп были переведены на язык, близкий местному говору, для лучшего их понимания простыми верующими.

В настоящее время в связи с недостаточной изученностью памятников письменности данного жанра мы задаем несколько вопросов, связанных с аспектом адаптации библейского текста в учительных евангелиях для лучшего их понимания обычными, не всегда грамотными, людьми. Например, идет ли речь о культурном языке, то есть в определенной мере о культивированной форме местного языка, или о чистом диалекте? Каким текстом библии

²⁶ Здесь и далее цитаты из Сокирницкого сборника приводим в соответствии с «Новыми рукописными находками»: Яворский, *Новыя рукописныя находки*, 67.

²⁷ Žejuch, *Источники византийско-славянской традиции*, 99.

располагал автор, только ли церковнославянским? Существовала ли единая версия перевода Священного Писания, или каждый раз в процессе компиляции новой богослужебной книги библейский текст интерпретировали на местном диалекте? Все эти вопросы предполагают углубленное изучение как можно большего ряда памятников письменности учительного жанра, в рамках настоящей работы мы не можем однозначно ответить ни на один поставленный вопрос, поэтому сосредоточимся на некоторых аспектах языка евангельских перикоп, содержащихся во второй части Углянского учительного евангелия.

В Углянском учительном евангелии наше внимание привлекло большое количество полонизмов уже в текстах евангельских перикоп, среди них такие лексемы, как *прѣвротнотѣ, прагненіе, непокаланный, зложонный, натѣмѣстѣ, ѡбовѣ», едноколвекѣ, стокротѣ, просѣти мовѣчи, брѣзо дѣже, живнотѣ* и многие другие. Необходимо понимать, что в данном случае речь идет не о прямом языковом контакте, а об опосредованном: по всей видимости, автор текста владел данной лексикой не столько активно, сколько пассивно. Автор не использовал для вышеупомянутых лексических единиц эквиваленты в местном диалекте, а употребил их в том же виде, в каком они были в оригинале. Некоторые из этих лексем могут встречаться и в словацком, чешском или украинском языках, однако их употребление в тексте Углянского учительного евангелия обусловлено использованием исходного текста польского происхождения. Непереведенных полонизмов подобного рода в тексте памятника встречается довольно много, что наводит на мысль о том, что источник исследуемого текста нужно искать где-то в польскоязычной среде. В связи с интеркультурным и интерконфессиональным характером среды, в котором возникло Углянское учительное евангелие, здесь нет противоречия между обрядом и церковной традицией.

В ходе исследования мы сравнили тексты перикоп Углянского учительного евангелия с пятью существовавшими в конце XVII века польскими переводами Библии (Библия Леополиты, Брестская Библия, Библия Якуба Вуйко, Гданьская Библия и Библия Шимона Будного), и пришли к выводу, что ни один из этих польских переводов Священного Писания не был основным для создания того перевода, который представлен в Углянском учительном евангелии.

Существует однако и другая гипотеза, по которой полонизмы являются частью местного «культурного» языка, в этом случае автор бы, конечно, имел эти лексемы в активном словарном запасе. Евангельские перикопы, находящиеся в основной части Углянского учительного евангелия, подтверждают существование «культурного» языка, промежуточного кода между письменным церковнославянским языком и местным диалектом.

В любом случае, сам факт использования библейского текста не на каноническом церковнославянском языке, а в адаптированной для простых часто неграмотных людей форме свидетельствует о незаметном распространении идей протестантизма, по которым тексты Священного Писания должны быть понятны верующим.

ЛИТЕРАТУРА

- Vašica, Vajs, *Soupis* = J. Vašica, J. Vajs, *Soupis staroslovanských rukopisů národního musea v Praze* (Praha 1957) 93.
- Žeňuch, *Источники византийско-славянской традиции* = P. Žeňuch, *Источники византийско-славянской традиции и культуры в Словакии / Pramene k byzantsko-slovanskej tradícii a kultúre na Slovensku. Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae. Vol. IV.* (Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV / Pontificio Istituto Orientale / Slovenský komitét slavistov / Centrum spirituality Východ-Západ Michala Lacka 2013) 99.
- Пап, *Історія Закарпаття* = С. Пап, *Історія Закарпаття, т. 2* (Івано-Франківськ 2002) 287.
- Пекар, *Нариси* = А. В. Пекар, *Нариси історії церкви Закарпаття. Том 1. Єрархічне оформлення* (Рим-Львів 1997) 69.
- Рор, *Dějiny Podkarpatské Rusi* = I. Ror, *Dějiny Podkarpatské Rusi v datech* (Praha 2005) 97.
- Попов, *Историко-литературный обзор* = А. Попов, *Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян* (Москва 1875) 1.
- Пташицкий, *Средневековые западно-европейские повести* = С. Л. Пташицкий, *Средневековые западно-европейские повести в русской и славянских литературах* (Санкт-Петербург 1897) 6.
- Haraksim, *K sociálnym a kultúrnym dejinám Ukrajincov* = Ľ. Haraksim, *K sociálnym a kultúrnym dejinám Ukrajincov na Slovensku do roku 1867* (Bratislava 1961) 50.
- Яворский, *Новые рукописные находки* = Ю. А. Яворский, *Новые рукописные находки в области старинной карпаторусской письменности XVI-XVIII вв.* (Прага 1931) 43.
- Яворский, *Повести из «Gesta Romanorum»* = Ю. А. Яворский, *Повести из «Gesta Romanorum» в карпаторусской обработке конца XVII-го века* (Прага 1929) 3.